

ПРИМЕНЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ НА ПРАКТИКЕ

PUTTING ECOLOGICAL PRINCIPLES INTO PRACTICE

УДК 81'27

DOI: 10.31249/chel/2023.02.04

Колмогорова А.В.¹⁾, Беркетова Е.А.²⁾

**ЕДА В КООРДИНАТАХ МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ:
КЕЙС ЭКОЛОГИЧЕСКОГО НARRATIVНОГО АНАЛИЗА[©]**

¹⁾Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Россия, Санкт-Петербург, nastiakol@mail.ru,
²⁾Сибирский федеральный университет,
Россия, Красноярск, kataberketova@gmail.com

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению когнитивно-дискурсивной категории местоположения в ракурсе эколингвистического подхода. На примере нарративов о еде и вкусовых привычках исследуется вопрос об отражении переживания смены местоположения в телесном, просодическом и ином поведении информанта в рамках нарратива о пережитом опыте. Основное внимание уделяется разным способам манифестиации когнитивных феноменов «местоположение», «уместность», «нарушенное местоположение» и «возвращенное местоположение». Материалом исследования послужило видеointервью с франкофоном, имеющим сложную миграционную судьбу, размеченное с помощью программного обеспечения Elan. В результате мультимодального анализа установлено, что степень сформированности связей когнитивного опыта индивида с

местом, в котором он живет, проявляется в его телесном и вербальном поведении, сопровождающем рассказ о своем опыте перемещения из одного места в другое.

Ключевые слова: эколингвистика; нарратив; местоположение; нарушение местоположения; возвращенное местоположение; мультимодальный анализ.

Поступила: 19.07.2022

Принята к печати: 18.01.2023

Kolmogorova A.V.¹⁾, Berketo娃 E.A.²⁾
**The concept of food in light of the emplacement theory:
the case of ecological narrative analysis[®]**

¹⁾ *National Research University Higher School of Economics,
Russia, Saint-Peterburg, nastiakol@mail.ru,*

²⁾ *Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk, kataberketova@gmail.com*

Abstract. The article addresses the cognitive-discursive category of emplacement from the viewpoint of the ecolinguistic approach. The paper considers the case of narratives about food and eating habits and examines the issue of reflecting the experience of a change of place in the corporeal, prosodic and other behavior of the informant within the framework of the narrative about the experience. The main focus is on the different ways of manifestation of the cognitive phenomena “emplacement”, “displacement” and “replacement”. The material for the research covers a video interview with a francophone with a complex migration background, which was marked up with the Elan software. The multimodal analysis revealed that the degree to which the individual’s cognitive experience is connected with the place they live in is manifested in the corporeal and verbal behavior that accompanies the story of the experience of moving from one place to another.

Keywords: Ecolinguistics; narrative; emplacement; displacement; replacement; multimodal analysis.

Received: 09.07.2022

Accepted: 18.01.2023

Введение

В последние несколько лет в глобальном мире произошли серьезные изменения. Они коснулись привычного порядка жизни, ценностной картины мира каждого гражданина и отдельных сообществ. Оказалось, что человек – невероятно хрупкое и практически беспомощное существо перед лицом вируса, победить который

можно только сообща. Постепенно стало понятно, что индивид не должен и не обязан становиться болтиком в изнуряющей индустриальной машине: у каждого есть собственное «я», свой внутренний мир, свое тело – разное, не подгоняемое ни под какие стандарты, просто – свое. Вдруг выяснилось, что агрессия и манипуляция не лучшие способы общения, которые могут нанести человеку когнитивный вред, не меньший, чем химические препараты.

И самое главное – появилось осознание, что библейское «в начале было Слово» – не метафора, а предупреждение и руководство к действию. Чтобы человеческая жизнь осознавалась как таковая, о ней нужно говорить: говорить, о том, что чувствуешь, о том, что происходит, о том, как ты хочешь жить и как не хочешь, что ты любишь, а что нет. Только в разговоре можно найти взаимопонимание, решить проблему, прийти к согласию. Там, где есть разговор, появляется предмет интереса лингвистики, которая, сама того не подозревая, сегодня становится социально значимой наукой [Steffensen, 2007]. Вот как пишут о социальной миссии лингвистики основатели датской школы эко-критического дискурс-анализа [Bang, Døøg, 2000]: (1) не являясь сама живым организмом, она должна иметь в качестве своего объекта взаимоотношения живых организмов между собой в некоторой среде и взаимоотношения организмов и среды; (2) ей важно иметь явный ценностно-аксиологический вектор: наподобие медицины, которая стремится сохранить или восстановить здоровье людей, лингвистика должна стремиться формировать паттерны и навыки здоровой коммуникации, которая даст возможность людям «создать здоровую культуру и формы своей жизни»; (3) наконец, опыт лингвистики показал, что наука, основанная на редукционизме, дуализме, позитивизме и отстраненности от реальной жизниискажает наше восприятие и представление о реальности, а лингвистика, став наукой о жизни, искоренит эти недостатки.

Таким образом, в фокусе внимания лингвистики должны оказаться связи, формируемые познающим субъектом с тем, что становится частью его когнитивной системы: люди, с которыми он общается, еда, которую он ест, место, в котором он живет. Обнаружить их позволяет многоаспектный анализ говоримого человеком и того, что он манифестирует своим телом во время разговора. Только на основе таких комплексных и многомерных данных лин-

гвист может качественно моделировать лингвокогнитивную систему человека живущего и познающего.

Действуя в предложенной логике, в данной статье мы сфокусируемся на анализе нарративов о еде, поскольку именно связь еды с местом, где живет человек, имеет наиболее биологически и культурно фундированый характер. Иными словами, цель данной публикации состоит в том, чтобы посредством мультимодального анализа нарратива представить модель того, как человек концептуализирует, помещает в свою когнитивную систему места, в которых он жил раньше, а также места, в которых ему пришлось оказаться по необходимости, но которые постепенно обретают свое местоположение в его внутреннем мире – становятся «уместными». *Объектом* анализа становится когнитивно-дискурсивная категория местоположения, а *предметом* – вребальные и невербальные проявления данной категории в трех ситуациях: уместности, нарушенного местоположения и возвращенного местоположения.

Идея места в лингвистике: история и современность

Семантика места чрезвычайно интересна. Место – не то же самое, что пространство. Место – это пространство, где что-то находится для кого-то: *на этом месте раньше стояла школа* (субъект помнит это, воспоминание об объекте сохранилось в его субъективной топонимике), *это место под будущий дом* (в реальности объекта еще нет, но субъект уже видит его «мысленным взором», уже нашел для него место в когнитивной системе), *свято место пусто не бывает* (субъект актуализирует во внутренней топонимике пока только потенциальный объект с нечеткими контурами).

Хотя идея места «не было места» в теории структурной лингвистики, где язык рассматривался сам и для себя, за исключением, пожалуй, работы Э. Бенвениста, где он доказывает, что выбор говорящим одного из прошедших времен французского языка зависит от того, был ли или ощущает ли говорящий себя свидетелем событий: был ли он на «том месте», где все происходило [Бенвенист, 1974].

Однако в рамках прикладных направлений – диалектологии, социолингвистики, ареальной лингвистики – исследователи просто не могли не принимать во внимание ту взаимосвязь, которая суще-

стует между говоримым, способами говорения и местом, где это происходит: гlosса, которая сразу «с головой» выдает уроженца конкретной деревни, стала одной из основных единиц описания диалектов и их картографирования при помощи атласов; особый вариант «блестного» языка, существование которого ограничивалось только «одними лишь стенами нашей школы», был впервые детализирован в пионерской работе Е.Д. Поливанова [Поливанов, 1931]. Глубоко и актуально звучит сегодня концепция лингвистической географии, сформулированная И.И. Срезневским: «Исследовать, каким именно языком, наречием или говором говорит народ в том или другом крае, и каково именно было влияние местных обстоятельств на состояние языка в разных краях, – вот задача географии языка» [Срезневский, 1851, с. 3–4].

«Антропоцентрический поворот» в отечественной лингвистике вдохновил специалистов на изучение роли восприятия места наблюдателем в семантике ряда лексических единиц, например, русских предлогов *около*, *у* [Селиверстова, 2004] и глаголов (например, глаголов удаления и прибытия) [Рахилина, 1990].

В западной же науке обсуждаемая идея нашла свое отражение преимущественно в социолингвистике, дискурс-анализе и переведоведении, проявившихся в трех основных понятиях: чувство места (*the sense of place*) – субъективная эмоциональная привязанность, которую люди испытывают к определенному месту [Cresswell, 2015, р. 7]; локальная идентичность как то место, с которым люди себя ассоциируют, чтобы понимать, кто они, отстаивать свои права [Shao, Lange, Thwates, 2007; Schilling-Estes, 2002]; наконец, локаль, которая широко трактуется как материальный контекст для осуществления социальных связей [Agnew, 1987], а в более специальном значении – как совокупность компонентов, требующих культурной адаптации при переводе [Ачкасов, 2019, с. 81].

В центре нашей работы – осмысление места в свете идей эколингвистики в рамках триады: правильное местоположение (уместность), нарушенное местоположение и возвращенное местоположение.

Нас интересует не только то, что люди говорят о тех местах, где выросли, куда переехали потом, куда возвращались после долгого отсутствия, но и как они это делают, что при этом делают их тело, их глаза, их голос. И в этом тоже, на наш взгляд, состоит

экологичность подхода – понимание того, что говоримое не сводится только к словам, поскольку язык глубоко интегрирован в когнитивную экосистему «человек – среда», и описать ее – «это значит провести ее границы так, чтобы не повредить ни одну из ниточек, отсутствие которых мешает нам понять и объяснить эту систему» [Bateson, 1972, р. 459; цит. по: Hutchins, 2010].

«Местоположение» в свете идей радикальной эколингвистики

Зародившись в рамках теории распределенной когниции [Hutchins, 1995], радикальная эколингвистика настаивает на том, что познание осуществляется не в мозгу каждого отдельного индивида, а в социальном взаимодействии, в опыте которого формируются смыслы и разделяемые членами сообщества паттерны поведения [Fester, Cowley, 2018]. Но и социальное взаимодействие происходит не в вакууме – оно строится на материальном и природном фундаменте: предметы, приборы, мебель, виды транспорта, технология, софт наряду с рельефом, климатом, экономическими условиями – все играет свою роль. Из этих многочисленных компонентов, активизируемых в акте коммуникации, формируется некий общий смысл, который позволяет людям достигать определенного уровня взаимопонимания и, действуя совместно, решать разнообразный спектр когнитивных задач. Таким образом, согласно экологическому подходу, когниция распределена в социуме, в пространстве, материальном окружении, природной среде и во времени [Steffensen, Fill, 2014]. Оттого, что происходящее таким образом познание имеет «неглубокий» характер (*shallow thinking*), оно связано множеством тонких ниточек с местом, где находится познающий субъект: говоря проще, стоит поменять местоположение, и ход мыслей тоже меняется.

В работах Элизабет Барон и ее исследовательской группы [Like a second home … , 2018; Barron, Hagemann L.H., Hagemann F., 2020] достаточно последовательно разрабатывается терминологическая система для описания категории местоположения (*emplacement*). На примере сообщества кхмеров, которое было вынуждено эмигрировать из Вьетнама в США, штат Висконсин, через анализ глубинных интервью и комментариев к фотографиям исследователь

показывает, как сообщество пережило травму вынужденного перемещения, как сумело приспособить традиционные практики хозяйствования к новому ландшафту, как инкорпорировало модели поведения, привязанные к «старому» месту, в новую реальность.

В общем и целом, исследователи определяют термин «местоположение» как осознанное отношение человека к месту, где он живет [Barron, Hagemann L.H., Hagemann F., 2020, p. 449]. В контексте нашей работы наряду с данной трактовкой, имеющей для нас генерализующее значение, мы вводим и его более узкое понимание как среды, где человек чувствует себя уместно, т.е. идентифицирует себя с этим местом, испытывает к нему эмоциональную привязанность, не ощущает чужеродности такой среды. В таком, узком, понимании мы переводим англоязычную лексему *emplacement* как «уместность», как бы оживляя тем самым внутреннюю форму русского слова. Такое сужение нам потребовалось в силу тематики работы: мы обсуждаем с информантом историю его переездов из одной страны в другую и обратно. К тому же Э. Барон предлагает еще ряд понятий: нарушенное местоположение – «сбой и вынужденное перемещение в неестественное, культурно обусловленное местоположение»; возвращенное местоположение – «местоположение, которое связано с изменениями, предметами и личностями, которые помогают адаптироваться или заново приспособиться к местоположению / вернуть в более устойчивое состояние» [ibid., 2020]. В этом ряду как будто недостает маркированного идеей нормы компонента, и для нас им становится «уместность».

Материал и методы

В качестве материала мы использовали записанные на видеокамеру нарративы гражданки Франции Валентин Д. Нарративы как источник данных выбраны не случайно – исследователи в области нарративного анализа уверены в том, что «мы создаем нарратив для того, чтобы наша жизнь и жизнь других людей имела смысл» [Кроссли, 2020, с. 116], а «пространство становится местом тогда, когда о нем говорят, ведь только так у места появляется смысл» [там же]. Исследователи подчеркивают, что при изучении феномена местоположения необходимо уделять внимание жизненному опыту человека и его повседневной жизни [Lems, 2016].

Интересна история самой Валентин: уроженка Марселя, в 2012 г. она впервые приехала в Россию в качестве преподавателя французского языка, год проработала в Красноярске, затем ненадолго вернулась во Францию, и снова – в Красноярск, где проработала уже четыре года, вышла замуж, родила ребенка и снова, уже с семьей, вернулась на родину в Марсель. Однако по семейным обстоятельствам она вновь приехала в Красноярск.

Глубинное интервью было снято в отдельной комнате, хорошо знакомой Валентин. Информантка была предупреждена, что ее рассказ будет записан на видеокамеру. Интервьюер сообщил, что включил камеру и начал задавать вопросы. Они были распределены по трем циклам: (1) первый приезд в Красноярск; (2) возвращение во Францию после четырехгодичного пребывания в Красноярске; (3) возвращение в Красноярск после отъезда на родину с семьей. В каждом цикле было от 11 до 16 вопросов, каждый цикл включал в себя вопросы о субъективных ощущениях, о еде, о пейзаже (рельефе), городе (Марсель, Красноярск), людях, языке, одежде.

Поскольку в данной публикации мы рассматриваем только нарративы о пищевом опыте, то перечислим вопросы, которые касались этого сюжета (вопросы формулировались на французском языке, но ниже мы приводим их на русском языке).

1. Каково было впечатление о русской кухне при первом знакомстве с ней по приезде в Красноярск?

2. Когда вы уезжали из Красноярска, вы брали с собой какие-то русские продукты питания или другие предметы?

3. Появились ли у вас какие-то новые привычки в Красноярске и придерживались ли вы их по возвращении во Францию?

4. Какое русское блюдо должен попробовать каждый француз?

5. Изменились ли ваши пищевые привычки во время второй поездки в Красноярск?

6. Что бы вы посоветовали французу взять с собой в поездку в Красноярск?

7. Какой русский праздник стал вашим любимым?

Хотя вопросы 3, 6 и 7 не касались напрямую пищевого опыта, мы получили на них ответы, связанные с данной темой.

После получения видеоматериала мы разметили его при помощи программного обеспечения Elan. Были выделены восемь слоев разметки: движения головы, движения тела, жесты, взгляд в сторону, контакт глаз с интервьюером, мимика, слова, неречевые звуки (рис. 1).

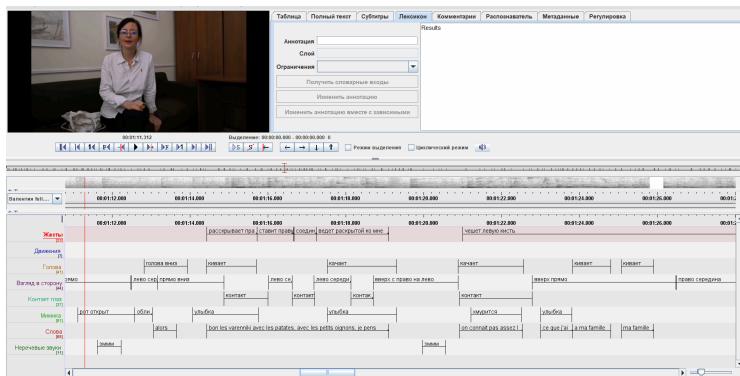

Рис. 1. Пример разметки в программе Elan

Проведя разметку, мы соотносили транскрипт (говоримое) и характер аннотаций в других слоях, анализировали интенсивность жестикуляции и других движений на шкале времени, привлекали статистику аннотаций.

Иными словами, проведенный мультимодальный анализ включал в себя элементы качественно-количественного анализа, коммуникативный анализ, элементы сравнительно-сопоставительного анализа и наблюдение. Нашей целью было найти вербальные и невербальные проявления трех видов местоположения как дискурсивно-когнитивной категории: «уместности», нарушенного местоположения и возвращенного местоположения. Наша предварительная гипотеза состояла в том, что в нарративе, связанном с Францией, будут проявляться признаки уместности, а в той его части, которая посвящена Красноярску, – нарушенного местоположения. В трактовке элементов невербального поведения мы опирались на практику мультимодального анализа неречевого поведения информантов, сложившуюся в рамках научной школы профессора Университета Южной Дании Ст. Коули [Cowley, 2004; Cowley, 2012].

Результаты и обсуждение

В ходе анализа стало понятно, что основными психологическими маркерами, которые отмечают собой «уместность», нарушенное местоположение, возвращенное местоположение и проявляются прежде всего невербально, являются чувства комфорта, дискомфорта и возбуждения соответственно.

Рассмотрим несколько ярких примеров взаимодействия неверbalного и верbalного поведения информанта в каждой из трех рассматриваемых ситуаций.

Рис. 2. Феномен «уместности»

На рис. 2 проиллюстрирован феномен «уместность»: говоря о месте, информантка чувствует себя комфортно, в своей привычной среде, испытывает положительные эмоции. Отвечая на вопрос «Что бы вы посоветовали французу взять с собой в поездку в Красноярск?», она упоминает сыр, который лучше всего делают во Франции, а самые-самые лучшие сыры – в ее родном Марселе. При этом Валентин кладет правую руку на грудь и не отнимает ее на протяжении 25 секунд, также периодически совершает медленные поглаживания в знак одобрения, что указывает на чувство комфорта, когда она вспоминает родной город и сыр. Левая же рука всей ладонью опирается на диван, на котором информантка сидит – она как бы чувствует опору, говоря о родных местах. На протяжении всего ответа на вопрос Валентин смотрит в глаза интервьюеру, улыбается, качает и кивает головой в знак согласия. Так она показывает, что речь идет о чем-то дорогом и важном для нее.

Отвечая же на вопрос «Каково было ваше первое впечатление о русской кухне?» (рис. 3–5), в своем невербальном поведении информантка манифестирует феномен «нарушенного местоположения».

3)

4)

5)

6)

Рис. 3–6. Феномен нарушенного местоположения

На рис. 3 представлен момент произнесения фразы *une cuisine assez roborative qui nourrit bien* – «питательная кухня, которой легко можно насытиться», которую информантка сопровождает постоянным контактом глаз с интервьюером, улыбкой, при этом правый уголок рта приподнят, хотя иногда уголки губ опускаются, что подчеркивает дискомфорт, который она испытывает, вспоминая свои ощущения. Оценочное прилагательное *roborative* – «питательная» подчеркивается круговыми движениями рук от себя на уровне живота, кисти открыты, одновременно с этим Валентин выпрямляет спину. Так она демонстрирует тяжесть в животе от обильных порций.

Произнося фразу *on ne veut que rester dans le canapé* – «хочется только упасть на диван» (рис. 4), информантка плавно поднимает и опускает обе руки, горбит спину, имитируя то, как человек

садится на диван, как бы показывая свое обычное состояние после приема пищи. При этом брови приподняты, на лице заметна слабая улыбка, контакт глаз с интервьюером в целом поддерживается.

Также, описывая свой пищевой опыт в России (рис. 5), Валентин сопровождает фразу *mon premier, mon premier choc* – «для меня сначала, для меня сначала было шоком» активной мимикой: брови подняты, глаза широко открыты, а рот приоткрыт. Кроме того, используется иллюстративное движение: информантка кладет правую руку на грудь и опускает взгляд, смотря на собеседника. Повторение фразы *mon premier, mon premier* демонстрирует взволнованность информантки и ее удивление относительно того, что она испытывала в описываемый момент.

Отвечая на вопрос «Какое русское блюдо должен попробовать каждый француз?» (рис. 6), она указывает, что не любит салаты, в которых используется большое количество майонеза. Примечательно, что информантка исправляет свой ответ и вместе наречия *beaucoup* – «много» использует *plein*, который обладает большей семантической нагрузкой и обозначает «полный, наполненный». При помощи жестов, мимики и движений репрезентируется интенсивность семантики лексической единицы *plein*: лицо сморщено, брови подняты, глаза прищурены, руками проводятся интенсивные круговые движения, имитирующие обильное количество продукта, также информантка горбится во время ответа, что в целом указывает на чувство дискомфорта.

Стоит отметить, что в этой части нарратива часто встречаются лексические единицы с семантикой отрицания или недостаточного количества, например, *donne pas l'envie* – «не хочется», *on connaît pas assez* – «мы мало знаем», *je suis un peu moins fan* – «я люблю гораздо меньше».

На рис. 7–9 можно наблюдать, как манифестируется в поведении феномен «возвращенное местоположение».

Информантка, отвечая на вопрос «Каково было ваше первое впечатление о русской кухне?» (рис. 7, 8), говорит: *quand je suis en France je vais aux magasins russes après pour acheter les vareniki aux pommes de terre* – «когда я находусь во Франции, я специально хожу в русские магазины, чтобы купить вареники с картошкой» (рис. 7) и *c'est ma... c'est ma passion* – «это моя... это моя страсть» (рис. 8). Мы обнаружили, что феномен возвращенного местополо-

жения так же активно манифестируется, как и феномен нарушенного местоположения, однако здесь уже не жесты дискомфорта, а жесты и мимика комфорта и возбуждения одновременно. С одной стороны, информантка сохраняет контакт глаз с интервьюером, что указывает на ее комфортные ощущения относительно нового, но ставшего привычным опыта, часто улыбается и иногда смеется, когда говорит о варениках. С другой – она артикуляционно и интонационно подчеркивает ключевые слова, например, наречие *exprès* – «специально», чтобы продемонстрировать исключительность ситуации даже для нее самой, часто поднимает брови и широко раскрывает глаза, активно использует жесты – например, правая рука, раскрытая ладонью вверху, выставляется вперед, как бы описывая таким образом текущее положение дел, далее информантка собирает пальцы вместе, в виде «щепотки», и долго качает ими. При этом данное движение сопровождается фразой *exprès pour acheter les vareniki* – «специально, чтобы купить вареники». В данном сочетании усиливается эффект воздействия на слушателей. Говоря фразу *c'est ma... c'est ma passion* – «это моя ... это моя страсть», Валентин очерчивает круг раскрытой ладонью на уровне груди, как бы описывая свое теплое и трепетное отношение к русским вареникам. Кроме того, левая рука, как и в случае с манифестиацией феномена «уместности» во фрагменте о лучшем сыре из Марселя, опускается на диван и ладонь опирается на него – информантка, говоря о русском блюде, которое она искала и покупала во Франции, чувствует некоторую стабильность, связь с местом, где она с этими варениками познакомилась.

На вопрос о любимом русском празднике информантка ответила: *une traditions que j'ai gardée, que j'ai un petit peu exportée auprès de mes proches c'est les oeufs, la peinture des oeufs* – «традиция, которую я соблюдаю, которую я потихоньку “экспортировала” моим родным – это яйца, покраска яиц» (рис. 9). Здесь также наблюдается частый контакт глазами с интервьюером, открытая улыбка и приподнятые брови. Ключевая метафора выделяется жестикуляцией: на словах *un petit peu exportée* – «потихоньку “экспортировала”» руки раскрываются в стороны, как бы подчеркивая тот факт, что она знакомит своих близких с русской культурой, с русскими традициями. Стоит отметить, что в большинстве случаев информантка кивает во время ответа, что обозначает

внутреннее одобрение своих слов, указывая на некий внутренний диалог информантки с самой собой.

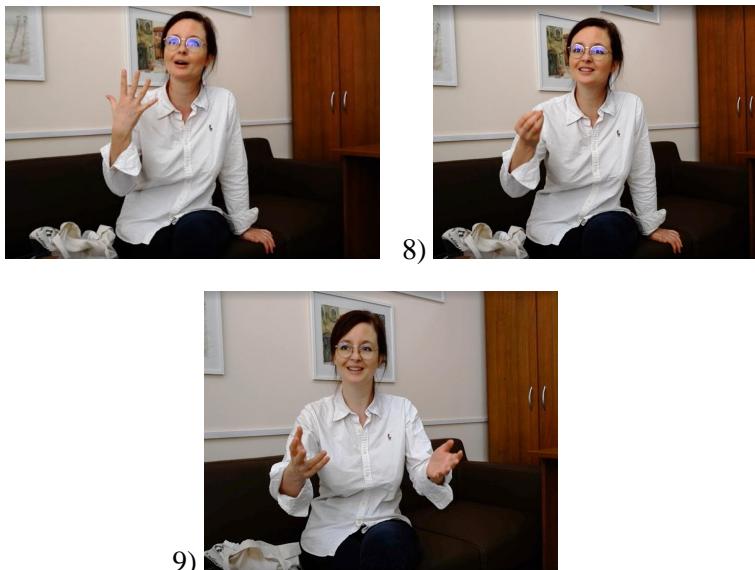

Рис. 7–9. Феномен возвращенного местоположения

Кроме того, в анализируемом фрагменте нарратива часто встречается лексика с семантикой положительной оценки, например, *j'aime bien / aussi* – «мне очень / также нравится», *jolis* – «милые», *c'est très, très bon* – «это очень, очень вкусно».

Визуализации статистики аннотаций в Elan также демонстрируют значительные различия в вебальном и невербальном поведении информантки в трех проанализированных ситуациях.

Так, на рис. 10 представлена статистика аннотаций в рамках ситуации «уместности»: распределение аннотаций выглядит монотонно и спокойно. Задействованы только слои «жесты» и движения головой («голова»), постоянный контакт глаз с интервьюером говорит о том, что информантка испытывает комфорт, когда говорит о своей культуре. Кроме того, она постоянно улыбается. Отсутствуют какие-либо прерывания действий в таких слоях, как «жесты», «контакт глаз», «мимика».

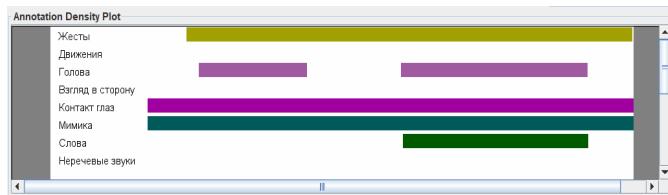

Рис. 10. Фрагмент визуализации статистики аннотации в ситуации «уместности»

Последующие две визуализации показывают большую насыщенность действиями и их прерывистость (рис. 11–12).

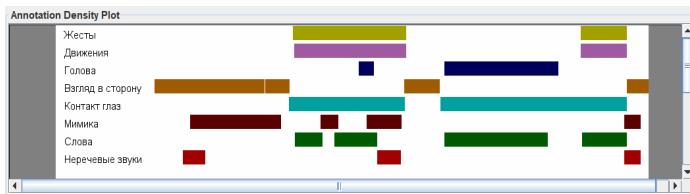

Рис. 11. Фрагмент визуализации статистики аннотации в ситуации нарушенного местоположения

Статистика аннотаций в ситуации, трактуемой нами как нарушенное местоположение (рис. 11), показывает, что насыщенность аннотаций в слоях «жесты», «движения тела» и «контакт глаз» коррелирует с ключевыми фразами (слой «слова»), которые характеризуют дискомфорт. Помимо этого, информантка периодически отводит глаза в сторону, таким образом как бы погружаясь в свой внутренний мир, вспоминая свои ощущения и подбирая слова для ответа. Кроме того, мимика не такая стабильная, как в ситуации «уместности». Периодически появляются вокализованные паузы в начале, когда информантка задумывается над ответом на вопрос, и смех в середине и в конце, которые могут служить средством защиты и сохранения лица в дискомфортной ситуации.

Статистика аннотаций в ситуации, трактуемой нами как «возвращенное местоположение» (рис. 12), демонстрирует не такие частые движения руками или телом, как в ситуации «нарушенного местоположения», однако хорошо заметно частое короткое переключение взгляда с интервьюера на посторонние объекты.

Движения головой, мимика и контакт глаз сопровождают ключевые реплики. Количество неречевых звуков идет на спад, по сравнению с предыдущей статистикой. Мы полагаем, что статистика возвращенного местоположения стремится к «покою и монотонности», как в статистике «уместности».

Рис. 12. Фрагмент визуализации статистики аннотаций
в ситуации возвращенного местоположения

На графике (рис. 13) представлены статистические данные аннотаций по частотности тех или иных действий. Больше всего аннотаций было выявлено в ситуации нарушенного местоположения: информантка чаще всего жестикулирует, смотрит в сторону, произносит больше всего неречевых звуков, совершает мимические движения. Далее по интенсивности действий следует феномен «возвращенное местоположение», который соединяет в себе возбуждение от осознания, что то, что казалось тебе на новом месте чужеродным, на самом деле оказалось нужным и на родине, и, с другой стороны, чувство комфорта, которое появляется от присутствия в жизни на родине элемента, привнесенного чужой культурой. Здесь информантка чаще всего совершает повороты головой, больше всего говорит и чаще всего переводит взгляд то в сторону, то на интервьюера. Наконец, наименьшее количество действий содержит ситуация «уместности», в которой информант чувствует себя спокойно, уверенно, комфортно: своя культура, привычный быт не волнуют и не провоцируют чувство возбуждения.

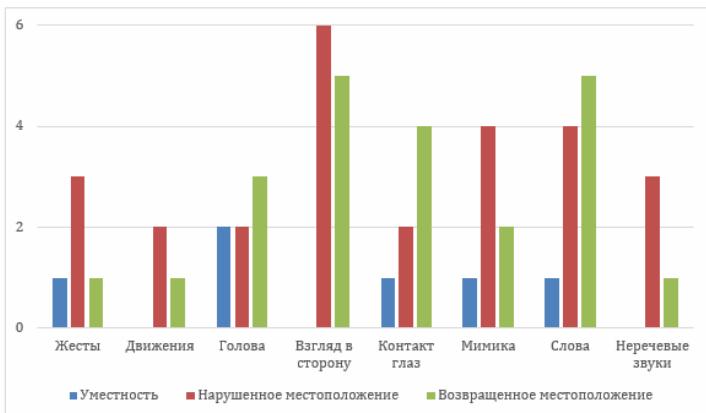

Рис. 13. Статистика аннотаций по частотности действий

Выводы

Проведя анализ нарратива в формате видео-интервью, можно заметить, что в нем отчетливо проявились три ситуации концептуализации места: ситуация «уместности» (Франция, Марсель), ситуация нарушенного местоположения (приезд в Красноярск) и ситуация возвращенного местоположения (возвращение во Францию). Интересно и важно то, что ситуация возвращенного местоположения приобретает у информантки несколько обратный характер: она возвращается во Францию, но чувствует себя дискомфортно, например, без вареников. Иными словами, паттерн, полученный ею в новом месте (Красноярске), помогает ей реадаптироваться на привычном месте после долгого отсутствия.

Благодаря применению мультимодальной разметки при дальнейшем анализе нам удалось обнаружить различия в коммуникативном поведении информантки в трех вышеназванных ситуациях: если ситуация уместности содержит меньше всего речевых и неречевых действий и их изменений, а ситуация нарушенного местоположения – больше всего, то ситуация возвращенного местоположения занимает срединное положение. Мы полагаем, что в первом случае это свидетельствует об уже сформированных когнитивных связях индивида и среды (места), во втором – о том, что

эти связи только формируются, а в третьем случае – связи уже сформировались, но требуют осознания, именно поэтому здесь больше всего выражена вербальная составляющая.

Таким образом, на примере кейса, связанного с пищевыми привычками, мы постарались показать, что категория местоположения имеет когнитивно-дискурсивный характер: она формируется в когнитивной системе индивида, манифестируясь в говорении и в том, как тело сопровождает этот процесс. Дальнейшую перспективу исследования составляет увеличение числа информантов, расширение исследовательской базы и выявление универсальных, а также индивидуальных проявлений данной когнитивно-дискурсивной категории.

Список литературы

- Ачкасов А.В. Англоязычная терминология локализации // Вестник РГПУ им. А.И. Герцена. – 2019. – № 194. – С. 80–88.
- Бененист Э. Общая лингвистика / под ред. Ю.С. Степанова. – Москва : Прогресс, 1974. – 446 с.
- Кроссли М.Л. Нарративная психология. Самость, психологическая травма и конструирование смыслов. – Харьков : Гуманитарный центр, 2020. – 284 с.
- Поливанов Е.Д. О блатном языке учащихся и о «славянском языке» революции // За марксистское языкознание. – Москва : Федерация, 1931. – С. 161–172.
- Рахилина Е.В. Семантика или синтаксис: к анализу частных вопросов в русском языке. – Мюнхен : Verlag Otto Sagner, 1990. – 206 с.
- Селиверстова О.Н. Труды по семантике. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 960 с.
- Срезневский И.И. Замечания о материалах для географии русского языка // Вестник имп. Русского географического общества. – Санкт-Петербург. – 1851. – Ч. I, кн. I. – С. 3–4.
- “Like a second home”: conceptualizing experiences within the fox river watershed through a framework of emplacement / van Auken P.M., Barron E.S., Xiong C., Persson C. // Water (Switzerland). – 2016. – Vol. 8(8). – DOI: <https://doi.org/10.3390/w8080352>
- Agnew J. The United States in the world economy. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 264 p.
- Bang J. Chr., Dør J. Ecology, ethics & communication – an essay in eco-linguistics // Dialectical Ecolinguistics. Three essays for the Symposium 30 years of language and ecology, December 2000 / ed. by Anna Vibeke Lindø, Jeppe Bundsgaard. – Graz : SDU, 2000. – P. 53–82.
- Barron E.S., Hagemann L.H., Hagemann F. From place to emplacement: the scalar politics of sustainability // Local Environment. – 2020. – № 25(16). – P. 447–462.

- Bateson G. Steps to an ecology of mind: collected essays in anthropology, psychiatry, evolution, and epistemology. – Chicago : University of Chicago Press, 2000. – 535 p.
- Cresswell T. Place: an introduction. – West Sussex : Wiley Blackwell, 2015. – 220 p.
- Cowley S.J. Contextualizing bodies: how human responsiveness constrains distributes cognition // Special issue on Integrational Linguistics and Distributed Cognition, Language Science / Ed. by D. Spurrett. – 2004. – Vol. 26, № 6. – P. 565–591.
- Cowley S.J. Distributed language // Distributed language / Ed. by S.J. Cowley. – Amsterdam : John Benjamins, 2012. – P. 1–14.
- Fester M.-Th., Cowley S.J. Breathing life into social presence. The case of texting between friends // Pragmatics and Society. – 2018. – Vol. 9, Issue 2. – P. 274–296.
- Hutchins E. Cognition in the wild. – Cambridge : MIT Press, 1995. – 381 p.
- Hutchins E. Cognitive ecology // Topics in Cognitive Science. – 2010. – № 2. – P. 705–715.
- Lems A. Placing sisplacement: place-making in a world of movement // Journal of Anthropology. – 2016. – Vol. 81(2). – P. 315–337.
- Schilling-Estes N. On the nature of isolated and post-isolated dialects: innovation, variation, and differentiation // Journal of Sociolinguistics. – 2002. – Vol. 6. – P. 64–85.
- Shao Y., Lange E., Thwaites K. Defining local identity // Landscape Architecture Frontiers. – 2007. – Vol. 5(2). – P. 24–41.
- Steffensen S.V. Language, ecology and society: an introduction to Dialectical Linguistics // Language, ecology and society: a dialectical approach. – London : Continuum, 2007. – P. 3–31.
- Steffensen S.V., Fill A. Ecolinguistics: the state of the art and future horizons // Language Sciences. – 2014. – Vol. 41. – P. 6–25.

References

- Achkasov, A.V. (2019). Angloyazychnaya terminologiya lokalizatsii [Localization terminology in English]. *Vestnik RGPU im. A.I. Gertsena*, 194, 80–88.
- Benvenist, E. (1974). *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow: Progress.
- Crossley, M.L. (2020). *Narrativnaya psihologiya. Samost', psihologicheskaya travma i konstruirovaniye smyslov* [Narrative psychology. Selfishness, psychological trauma and sens construing]. Har'kov: Gumanitarnyj centr.
- Polivanov, E.D. (1931). O blatnom yazyke uchashchikhsya i o “slavyanskem yazyke” revolyutsii [About the use of jargon in schools and “slave language of revolution]. In: *Za marksistskoe yazykoznanie* (pp. 161–172). Moscow: Federatsiya.
- Rakhilina, E.V. (1990). *Semantika ili sintaksis: k analizu chastnykh voprosov v russkom yazyke* [Semantics or syntaxe: towards the analysis of some features in Russian]. Munich: Verlag Otto Sagner.
- Seliverstova, O.N. (2004). *Trudy po semantike* [Works on semantics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Sreznevskiy, I.I. (1851). Zamechaniya o materialakh dlya geografii russkogo yazyka [Remarks on the materials for the geography of Russian]. *Vestnik imp. Russkogo geograficheskogo obshchestva*, I (I), 3–4.

- Van Auken, P.M., Barron, E.S., Xiong, C., Persson, C. (2016). “Like a second home”: conceptualizing experiences within the fox river watershed through a framework of emplacement. *Water*, 8(8). DOI: <https://doi.org/10.3390/w8080352>
- Agnew, J. (1987). *The United States in the world economy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bang, J.Chr., Døør, J. (2000). Ecology, ethics & communication – an essay in eco-linguistics. In: Anna Vibeke Lindø, Jeppe Bundsgaard (eds.) *Dialectical Ecolinguistics. Three essays for the Symposium 30 years of language and ecology* (pp. 53–82). Graz: SDU.
- Barron, E.S., Hagemann, L.H., Hagemann, F. (2020). From place to emplacement: the scalar politics of sustainability. *Local Environment*, 25(16), 447–462.
- Bateson, G. (2000). *Steps to an ecology of mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution, and Epistemology*. Chicago: University of Chicago Press.
- Cresswell, T. (2015). *Place: an introduction*. West Sussex: Wiley Blackwell.
- Cowley S.J. (2004). Contextualizing bodies: how human responsiveness constrains distributes cognition. Spurrett, D. (ed.) *Special issue on Integrational Linguistics and Distributed Cognition, Language Science*, 26(6), 565–591.
- Cowley S.J. (2012). Distributed language. In: Cowley, S.J. (ed.) *Distributed language* (pp. 1–14). Amsterdam: John Benjamins.
- Fester, M.-Th., Cowley, S.J. (2018). Breathing life into social presence. The case of texting between friends. *Pragmatics and Society*, 9(2), 274–296.
- Hutchins, E. (1995). *Cognition in the wild*. Cambridge: MIT Press.
- Hutchins, E. (2010). Cognitive ecology. *Topics in Cognitive Science*, 2, 705–715.
- Lems, A. (2016). Placing displacement: place-making in a world of movement. *Journal of Anthropology*, 81(2), 315–337.
- Schilling-Estes, N. (2002). On the nature of isolated and post-isolated dialects: innovation, variation, and differentiation. *Journal of sociolinguistics*, 6, 64–85.
- Shao, Y., Lange, E., Thwaites, K. (2007). Defining local identity. *Landscape Architecture Frontiers*, 5(2), 24–41.
- Steffensen, S.V. (2007). Language, ecology and society: an introduction to Dialectical Linguistics. In: *Language, ecology and society: a dialectical approach* (pp. 3–31). London: Continuum.
- Steffensen, S.V., Fill, A. (2014). Ecolinguistics: the state of the art and future horizons. *Language Sciences*, 41, 6–25.